

Бойкая девчонка

Автор:

Джессика Стил

Бойкая девчонка

Джессика Стил

Любовный роман – Harlequin #4

Финн Хокинс – бойкая деревенская девчонка, не привыкшая обращать внимание на запачканные грязью ботинки или солому в волосах. Когда ферму «Жимолость», где она родилась и выросла, приобрел известный лондонский финансист Тай Алладайк, над головой девушки сгустились тучи. Новый хозяин имения возненавидел Финн из-за ее вероломной родственницы, разбившей сердце его брату, и велел убираться прочь. Тай был уверен, что Финн пакует чемоданы, готовясь к отъезду, но, как оказалось, она не намерена сдаваться без борьбы.

Джессика Стил

Бойкая девчонка

Глава 1

Финн старалась воспринимать события последних месяцев оптимистически, но у нее никак не получалось. Она рассеянно смотрела в окно своей квартиры, расположенной прямо над конюшней, и не замечала, что Джералдина Уолтон, новая хозяйка школы верховой езды, которая умудряется выглядеть элегантно даже в джинсах и футболке, уже начала раздавать распоряжения на день.

Финн сама встала сегодня рано и уже успела навестить свою старую кобылу Руби. Девушка отошла от окна, продолжая вспоминать подробности вчерашнего разговора с ветеринаром Китом Певериллом. Кит был человеком деликатным, но это качество ничуть не смягчало тяжести его заключения о том, что Руби не протянет до следующего года. Был уже конец апреля. Несмотря на потрясение, которое Финн пережила от этой вестии, она ответила твердым отказом на предложение Кита умертвить кобылу. Затем, взяв себя в руки, она спросила:

– Руби ведь не больно, правда? Я знаю, что время от времени ты делаешь ей укол обезболивающего, но...

– Лекарство помогает ей почти не чувствовать боли, – ответил Кит, а Финн ничего другого знать и не требовалось.

Она поблагодарила ветеринара за визит и еще некоторое время провела с лошадью. Руби была ее лучшим другом с тех пор, как папа спас лошадь от дурного обращения бывших хозяев и привез домой тринадцать лет назад. Несмотря на то что ферма «Жимолость» была довольно большой, они не могли позволить себе держать там лошадь в качестве домашнего животного. Мать Финн, тогда уже главная кормилица семьи, впала в ярость. Финн пришлось долго ее упрашивать.

– Тебе придется каждый день кормить и поить ее, – строго выговаривала ей тогда мать, – и убирать за ней.

Эварт Хокинс, поняв, что они с дочерью победили, нежно поцеловал жену и заговорщически улыбнулся Финн.

Тогда ей исполнилось десять лет, и жизнь была прекрасна. Она родилась и жила на ферме, у нее были лучшие в мире родители. Отец полюбил ее с самого рождения. После родов мама долго болела, и о малышке заботился отец. В то время они жили в одном из коттеджей на ферме, а в главный дом переехали только после смерти дедушки и бабушки Хокинс. Отец Финн не интересовался сельским хозяйством и все свое время посвящал обожаемой дочери. Именно он отправился регистрировать малютку, получив от жены строгий наказ назвать дочь Элизабет Мод в честь бабушки по материнской линии.

Эварт никогда не ладил с тещей и поступил по-своему. Дома ему пришлось объясняться с разгневанной женой.

- Как ты ее назвал? - бушевала Эстер.

- Успокойся, любовь моя, - ответил он. - У ребенка такая заурядная фамилия, пусть хоть имя будет красивым. Я не хочу, чтобы мою дочурку звали Лиззи Хокинс, вот я и назвал ее Дельфиной. - И, чтобы задобрить разгневанную жену, добавил: - Надеюсь, малютка Финн унаследует твои великолепные синие глаза, напоминающие цветок дельфиниум.

- Эварт Хокинс, да ты в своем уме? - воскликнула она, все еще не желая мириться.

- И я принес тебе капусты, - победно изрек он.

Он сказал «принес», а не «купил», из чего Эстер заключила, что муж попросту украл кочан с чьего-нибудь огорода.

- Эварт Хокинс! - повторила она, но уже с улыбкой на лице.

Говорят, противоположности притягиваются. Именно этим можно объяснить, что Эстер Рейнсворт из семьи рабочих и Эварт Хокинс, мечтатель, талантливый пианист и несостоявшийся инженер, полюбили друг друга с первого взгляда. Несколько лет они были безгранично счастливы.

Дедушка Хокинс арендовал ферму, и после его смерти право аренды перешло к отцу Финн. Молодая семья испытывала финансовые трудности, и Эстер приняла решение найти работу, оставив мужа заниматься сельским хозяйством. Но в отличие от своего трудолюбивого отца Эварт не видел смысла в дневном и ночном возделывании сельскохозяйственных культур, которые может легко погубить непогода. У него были дела поважнее: научить свою дочь рисовать, ловить рыбу, играть на фортепиано, плавать.

Плавать и нырять Финн научилась в заброшенном пруду в имении Бродлендс, хозяину которого, мистеру Колдикотту, принадлежали также фермы «Жимолость» и «Тис». Строго говоря, пруд не был предназначен для купания, но

мистер Колдикотт закрывал на это глаза, так как Эварт частенько играл для него на фортепиано. Если они забывали купальный костюм, папа позволял Финн плавать в нижнем белье, а потом стоически переносил гневные тирады своей жены, случись ей об этом узнать.

В имении Бродлендс был водоем, в котором разводили форель. Рыбачить там запрещали, но отец считал это неправильным, и они рыбачили. Финн научилась забрасывать удочку, хотя не могла смириться с тем, что рыбу нужно убивать, поэтому они всегда отпускали пойманных рыб. На обратном пути они иногда заглядывали в паб, чтобы Эварт пообщался с друзьями. Он покупал девочке лимонад, а себе пива и разрешал ей сделать глоточек. Вкус пива Финн не нравился, но она всегда утверждала обратное.

Вспоминая отца, Финн глубоко вздохнула. Не в первый раз пыталась она понять, когда закончилась их идиллия. Когда старый мистер Колдикотт решил продать свое имение, а Тай Алладайк решил купить его, став таким образом их новым арендодателем? Или?..

Финн не желала признаваться себе, что все началось гораздо раньше. Ее прекрасные голубые глаза затуманились, как только она мысленно перенеслась на пять-шесть лет назад. Она тогда вернулась с конной прогулки, поставила Руби в стойло, вбежала в кухню и стала свидетелем неприятной сцены – ее родители ругались. Она хотела было уйти, чтобы не принимать ничью сторону, но мама отвела взгляд от Эварта – главной причины ее гнева – и обратилась к дочери:

– Тебя это тоже касается, Финн. Мы остались без гроша. Я тружусь из последних сил.

Эстер работала помощником адвоката в Глостере.

– Мама, я найду работу, – ответила девушка, – я...

– Конечно. Но сначала тебе нужно получить приличное образование. Я договорилась о собеседовании в школе секретарей на завтра.

– Ей там не понравится, – вмешался Эварт.

– Большинству из нас, – саркастически заметила Эстер, – приходится заниматься тем, что нам не по душе! Либо Финн идет учиться, либо я отдаю вашу лошадь кому-либо, кто может себе позволить ее кормить, лечить и подковывать, – безапелляционно заявила она.

– Я продам что-нибудь, – решил Эварт. Ему была ненавистна мысль, что дочь – лучший его приятель – не будет больше проводить с ним много времени. Он неплохо разбирался в механике, и фермерский двор был завален случайными предметами, которые он мог бы починить и продать.

Терпение Эстер лопнуло.

– Эварт, пора уже повзрослеть! – резко сказала она.

В этом и заключалась проблема. Отец был не способен повзрослеть. Слезы застилали глаза Финн. Именно ребячество привело ее пятидесятичетырехлетнего отца к гибели. Но девушке не хотелось возвращаться к событиям семимесячной давности. Она слишком много выстрадала с тех пор.

Финн заставила себя вспомнить счастливые моменты своей жизни. Все они были связаны с фермой. Проводя долгие часы в школе секретарей вдали от дома, она не испытывала радости, ведь на учебу согласилась ради матери и ради своего будущего. Позже она получила должность личного секретаря в бухгалтерской фирме. Каждый вечер, едва оказавшись дома, она бежала навестить Руби и повидаться с отцом.

В Глостер девушку отвозила мать. Когда она стала задерживаться в офисе допоздна, отец предложил купить Финн машину. Эстер согласилась, настояв лишь на том, что выбирать будет сама. Она и мысли не допускала, чтобы ее дочь разъезжала в грохочущей консервной банке, которую мог бы купить Эварт.

Финн догадывалась, что родители ее матери частенько помогали им деньгами, и покупка машины не стала исключением.

Ее мир рухнул несколько месяцев спустя, когда Эстер объявила, что уходит из семьи. Финн была настолько шокирована этим известием, что не сразу поняла смысл сказанных слов.

– Что значит – у тебя появился другой мужчина? – с трудом выговорила она.

– Клайв. Его зовут Клайв.

– А как же папа?

– Мы все обговорили с твоим отцом. Наши отношения уже не те, что были прежде. Я подам на развод, как только все утрясется.

Финн замечала, что в последнее время ее мать чаще обычного раздражалась из-за отца, но чтобы дело дошло до развода?!

– Я не передумаю, Финн. Я устала от постоянной борьбы за существование. Твой отец живет в воздушном замке и... – Она запнулась, посмотрев в лицо дочери, и продолжила: – Я не буду оскорблять Эварта, знаю, как ты ему предана. Просто постарайся понять, Финн. Я еще молода и могу начать жизнь с чистого листа. Лучшую жизнь.

– И этот Клайв – часть твоей новой лучшей жизни?

– Да. Когда-нибудь я выйду за него замуж, но мы не торопимся с этим.

– Ты просто хочешь стать свободной?

– Вот именно! Теперь ты работаешь, получаешь жалованье, хотя я не удивлюсь, если отец захочет, чтобы ты с ним поделилась. – Эстер посмотрела на дочь и добавила: – Я нашла небольшую квартирку в Глостере, вот адрес. Я уйду от твоего отца, милая, но не от тебя. Ты можешь переехать ко мне, когда захочешь.

Финн никогда не помышляла о том, чтобы бросить отца. Ее дом был здесь, на ферме, с ним и Руби.

Именно тогда и закончилась их счастливая жизнь. Вскоре заболела Руби, и Эварт ухаживал за ней, пока Финн не приезжала вечером с работы. Счета от ветеринара росли как снежный ком, но старый мистер Дьюк не требовал платы немедленно, позволяя Финн платить, когда имелись средства. Девушка

постоянно была занята. Она и не представляла, сколько всего делала ее мать, когда жила с ними. Финн, конечно, помогала, если ее просили, но теперь заботы полностью легли на ее плечи.

Шло время. Финн познакомилась с Клайвом Гилламом, и, как ни странно, он ей понравился. Спустя пару лет она присутствовала на их с мамой свадьбе. Эварт очень боялся, что Финн переедет жить к матери, но она убедила его, что ее дом здесь, с ним и Руби.

Как оказалось, эта свадьба стала лишь первым звеном в цепи больших перемен. Мистер Колдикотт решил продать свое имение Бродлендс и переехать в места с более теплым климатом. Не успели они и глазом моргнуть, как фермы «Жимолость» и «Тис», а также ряд других построек перешли к новым владельцам – братьям-холостякам Алладайк, а в хозяйском доме Бродлендс-Холл появилась команда строителей и архитекторов, которые переделывали все на современный лад.

Финн видела братьев однажды, когда ее лошадь паслась на землях имения. Мимо прошли двое мужчин, погруженные в беседу. Тот, что повыше, темноволосый, должно быть, и был Тайрелл Алладайк, о котором она слышала. Он держался и говорил так уверенно, что у девушки не осталось сомнений – то был новый хозяин Бродлендса. Ходили слухи, что это крупный финансист, который большую часть времени проводит либо в Лондоне, либо за границей. Он собирался жить в имении, когда позволят дела, а его младший брат Эшли поселится здесь, чтобы следить за ходом строительных работ и управлять владениями.

Молва гласила также, что миссис Старки, экономка прежнего владельца Бродлендса, будет работать у новых хозяев, присматривая за Эшли, у которого были проблемы со здоровьем. Но Финн знала, что не всем слухам можно верить.

Братья Алладайк нанесли визит на ферму «Жимолость», когда Финн была на работе.

– Кажется, над нами установят надзор, – весело прокомментировал Эварт.

За последний год многое изменилось. Начать с того, что старый мистер Дьюк решил оставить ветеринарную практику. К счастью, девушка полностью с ним

расплатилась за лечение Руби. Однако ее очень беспокоило, будет ли его преемник столь же великодушным, чтобы позволить ей платить в рассрочку. Руби была уже очень стара, и не проходило и пары месяцев, чтобы ей не требовалось то или иное лечение.

Кит Певерилл, новый ветеринар, высокий светловолосый мужчина лет тридцати, оказался, к счастью, таким же добрым и понимающим, как и его предшественник. Финн уже два раза прибегала к его услугам.

Однажды, прибираясь в доме, девушка нашла письмо, отправленное из имения Бродлендс. Скорее это было официальное уведомление, гласившее, что им следует немедленно заплатить за аренду фермы и привести ее в должный вид. В противном случае дело будет передано в суд. Финн понятия не имела, что отец не платит ренту. Едва переступая подгибающимися от волнения ногами, отправилась разыскивать Эварта.

Отец самозабвенно чинил старый помятый квадроцикл, который он откопал неизвестно где, и все прочие дела его не интересовали.

– Не обращай внимания, – отмахнулся он. – Стоило бумагу марать!

За ужином Финн снова заговорила о письме.

– Знаешь, цветочек, ты все больше становишься похожей на маму, – с улыбкой заметил Эварт.

Девушка не дала сбить себя с толку, понимая, что хотя бы один из них должен быть практичным.

– Что мы будем делать, если нас отсюда вышвырнут? Что станет с Руби?

– До этого не дойдет, – убеждал отец, – просто новый хозяин показывает зубки.

– Но письмо подписано Эшли Алладайком!

– Написал-то его Эшли, но наверняка по приказу своего старшего братца.

Тайрелл Алладайк. Его образ прочно запечатлелся в сознании Финн, в то время как младшего брата она едва могла припомнить.

– Это столичная манера ведения дел, – уверенно продолжал Эварт. – Все-то им надо тщательно записать и разложить по папкам, на случай судебного разбирательства. – При этих словах Финн побледнела, и отец поспешил успокоить ее: – Но до этого дело не дойдет. Многие поколения Хокинсов жили на ферме «Жимолость», и никто не выгонит нас с этих земель, обещаю тебе.

К несчастью, за тем письмом последовало другое, отправленное из адвокатской конторы в Лондоне, уведомлявшее их о необходимости освободить ферму до сентября. И Финн впервые в жизни испытала чувство ненависти к человеку, который мог так с ними поступить. Она каждую минуту с ужасом ожидала прихода судебных приставов, а ее отец по-прежнему оставался невозмутим.

В сентябре ее страх перед судебными приставами и возможным выселением отошел на второй план. Seriously захворала Руби. Девушка забросила работу и самозабвенно ухаживала за кобылой, пока та не поправилась. Возвратившись в контору, Финн не смогла солгать боссу об истинной причине своего отсутствия и услышала в ответ, что дела фирмы идут на спад и ожидается сокращение штата.

– Пойду собирать вещи, – вздохнула Финн.

– Вам не нужно уходить прямо сейчас, доработайте до конца месяца, – милостиво разрешил начальник.

Финн обрадовалась такой возможности, потому что очень нуждалась в деньгах, но до конца месяца она так и не доработала. Скоро ее привычный мир рухнул. Эварт, лихо гоня по полям на отремонтированном квадроцикле, перевернулся. Случилось самое худшее. Он скончался до того, как Финн примчалась в больницу.

Похороны организовала Эстер. Финн и не подозревала, что у Эварта было столько друзей и родственников. Тетушки и дядюшки, о существовании которых девушка знала лишь понаслышке, прибыли выразить соболезнования. Даже кузина Линн – седьмая вода на киселе – приехала со своими родителями.

На похороны пришел и Эшли Алладайк. Финн не была расположена к молодому человеку, но не хотела принижать значимости события вспышкой гнева – в конце концов, это ведь Тайрелл хотел вышвырнуть их с фермы, поэтому сдержанно поприветствовала Эшли и поблагодарила его за визит.

Линн, высокая хорошенькая темноволосая девушка с оценивающим взглядом, тут же заинтересовалась светловолосым незнакомцем в дорогом костюме.

– Кто это? – спросила она, кивая в сторону Эшли, когда тот отошел переговорить с Нестой и Ноем Джарвис, арендаторами фермы «Тис».

– Эшли Алладайк, – ответила Финн, подозревая, что разговор на этом не закончен.

– Он живет поблизости?

– В Бродлендс-Холле.

– Это такой огромный дом, который мы проезжали по дороге сюда?

Не успела Финн и глазом моргнуть, как ее кузина полностью завладела вниманием Эшли Алладайка.

В последующие дни Финн разбиралась с делами, накопившимися после смерти отца. Мама хотела, чтобы она переехала к ней и Клайву в Глостер, но Финн эта идея совсем не нравилась. К тому же у нее была Руби, о которой приходилось заботиться.

Линн часто приезжала навестить кузину, как она говорила, чтобы та не чувствовала себя одинокой, но на самом деле большую часть времени проводила с Эшем Алладайком. Несколько раз молодой человек подвозил Линн до фермы, и для Финн было совершенно очевидно, что он очень увлечен ее кузиной. До Финн дошли деревенские слухи о том, что Эшли тяжело болел и теперь поправляется, и она очень надеялась, что кузина не навредит каким-либо образом молодому человеку.

По давней договоренности Линн встречала Рождество в Швейцарии, и Эшли тоже туда отправился. Финн слышала, что его брат нанесет в имение один из своих редких визитов, но, к счастью, самой с ним встретиться ей не придется. Она уже погасила задолженность по аренде, без сожаления продав свою машину, потому что, после того как лишилась работы, ей некуда стало ездить. Когда девушка расплатилась с прочими долгами, включая и услуги ветеринара, у нее почти не осталось денег. Финн понимала, что нужно немедленно найти работу с приличным жалованьем.

Во время очередного визита Линн осталась ночевать в Бродлендс-Холле и не преминула сообщить кухне по телефону, что дело идет к предложению руки и сердца.

На следующее утро автомобиль Линн резко затормозил посреди фермерского двора. Разъяренная девушка резко хлопнула дверцей и, не поздоровавшись, накинулась на Финн с расспросами:

– Почему ты не сказала мне, что Эшли Алладайк не хозяин Бродлендс-Холла?

– Я думала, тебе это известно, – защищалась Финн. – Я же говорила тебе, что у Эша есть брат.

– Да, говорила! – взвилась Линн. – И Эш тоже говорил. Но ни один из вас не упомянул, что Эш – младший из братьев и у него нет ни гроша за душой!

– Так ты познакомилась с Таем Алладайком? – предположила Финн.

– Нет, к сожалению! Он вечно где-то пропадает и, возможно, еще долго здесь не появится, – зло проговорила Линн. – Эта самодовольная экономка сообщила мне, что Эш всего-навсего управляющий имением! Можешь себе представить? Я уже видела себя хозяйкой Бродлендс-Холла! И тут эта выскочка заявляет, что больше чем на коттедж в имении я рассчитывать не могу. Представляешь? Это мы еще посмотрим!

Финн сомневалась, чтобы миссис Старки сказала нечто подобное, но она понимала также и то, что Эшли больше не представляет для ее кухни интереса.

– Заходи в дом, я приготовлю кофе, – предложила она Линн.

– Я зайду, но только затем, чтобы собрать вещи.

– Ты что, уезжаешь?

– Ноги моей больше не будет в Бишеп-Торнби!

– А как же Эш?

– А что Эш? Я мило сообщила ему, что не создана для деревенской жизни. Если он не понял намека, то скажи ему при встрече, что так я попрощалась.

После отъезда Линн на ферме «Жимолость» воцарилась тишина. Часто звонила только Эстер, чтобы убедиться, что с дочерью все в порядке. В остальное время единственной собеседницей Финн была Руби. Девушка понимала, что не сможет долго оставаться на ферме. Она ломала голову над тем, что ей делать. О себе самой она не беспокоилась, но существовала еще Руби! Однажды Финн решила прогуляться до местной школы верховой езды, владелицей которой была Пегги Эдмондс. Невероятно, однако Пегги не только согласилась приютить кобылу, но и предложила Финн работу! Пегги страдала от артрита и уже около года пыталась найти покупателя для школы верховой езды, которая постепенно приходила в упадок, но никто не интересовался этим предложением. Иногда боли были настолько сильны, что Пегги едва могла встать с постели, а на конюшне требовались рабочие руки. Финн с радостью согласилась работать за мизерную плату, которую могла предложить Пегги. Девушка была счастлива, что у Руби есть отдельное стойло. Саму Финн поселили в крошечной квартирке, располагавшейся как раз над конюшней.

Финн попросила старинного друга ее отца, Микки Йейтса, известного в деревне мастера на все руки, помочь ей освободить фермерский дом от мебели. Ей было жаль расставаться со старинным отцовским фортепиано, но в ее новом жилище не нашлось для него места.

Финн переехала в конце января. Она отнесла ключ от фермерского домика в Бродлендс-Холле и была очень обрадована, что не застала Эшли Алладайка. Ей было бы неловко встречаться с молодым человеком после того, как Линн его бросила.

Радость Финн по поводу того, что у них с Руби есть крыша над головой, длилась недолго. В марте Пегги нашла-таки покупателя для школы, и покупатель этот хотел немедленно вступить в права владения.

– Я попрошу ее оставить вас с Руби, – пообещала Пегги.

Личное знакомство с новой хозяйкой, Джералдиной Уолтон, лишило Финн всякой надежды. Джералдина хотела отремонтировать школу верховой езды, поэтому Финн следовало как можно скорее освободить квартиру, чтобы в ней поселились строители.

Был конец апреля, солнечные лучи, проникавшие в окно квартиры, отвлекли Финн от грустных мыслей. Ей давно следовало начать упаковывать вещи к отъезду, но тут взгляд упал на фотоаппарат, который мать привезла в прошлое воскресенье, когда навещала ее. Когда-то Эшли одолжил этот фотоаппарат Линн и теперь, все еще питая нежные чувства к девушке, использовал его как предлог, чтобы постоянно звонить Линн. Финн предпочла бы, чтобы кухня сама вернула его владельцу, а не перекладывала эту неприятную обязанность на ее плечи. Но что теперь поделаешь?

Финн решила, что Руби не повредит небольшая прогулка. Взяв кобылу под уздцы, девушка повела ее в имение коротким путем через рощицу. Вскоре за деревьями показались массивные стены Бродлендс-Холла. Финн малодушно надеялась, что дома снова будет только экономка миссис Старки. Она не представляла, что скажет, если дверь откроет сам Эшли. Линн, конечно, очень подлая особа, но все же она ее сестра, и негоже говорить нелюбезные вещи о членах семьи.

Финн позвонила, и вскоре за массивной дубовой дверью раздались шаги. Она приготовилась улыбнуться, но улыбка погасла на губах, когда она увидела человека, открывшего дверь. Это была не миссис Старки, даже не Эшли. У Эша были светлые волосы, а человек, стоявший перед ней, был черноволосым и высоким, лет тридцати пяти, и на лице его застыло неприветливое выражение. Финн отлично знала, кто перед ней, – ей не удалось бы забыть это лицо, даже если бы она очень хотела. Именно этот человек послал ее отцу уведомление о выселении с фермы, где жили многие поколения семьи Хокинс.

Хмурым взглядом он окинул стройную фигурку своей гостьи, которая в одной руке держала поводья, а в другой – фотоаппарат, и рявкнул:

– Кто ты такая?

– Меня зовут Финн Хокинс, – ответила она.

Его глаза сузились.

– Что тебе нужно на моей земле, Хокинс?

Финн взбесил тон, которым он это произнес.

– А вы кто такой? – дерзко воскликнула она.

На несколько долгих секунд воцарилось молчание. Девушка решила было, что он и не собирается отвечать, но тут прозвучала фраза:

– Тайрелл Алладайк. Так что тебе здесь понадобилось?

– От вас – ничего, мистер Алладайк. – Финн не позволила этому мрачному человеку запугать себя. – Передайте это вашему брату, – отрывисто сказала она, протягивая фотоаппарат.

– Убирайся с моей земли! – процедил он сквозь зубы. – И чтоб ноги твоей тут больше не было!

Финн развернулась и повела Руби прочь от дома, изо всех сил стараясь не припустить бегом под этим злобным взглядом. Душевное равновесие девушке удалось восстановить не сразу. Она разозлилась на себя за то, что не поставила этого человека на место. Да кто он такой, чтобы прогонять ее? Она с детства свободно гуляла по землям имения! И не намеревается что-либо менять сейчас. Лучшее, что Тай Алладайк может сделать, – так это убраться в Лондон и оставаться там всегда. Финн надеялась, что больше никогда не увидит это отталкивающее лицо!

Глава 2

Выходные закончились, началась новая рабочая неделя, а Финн все продолжала думать о Тайрелле Алладайке. Как он посмел выгнать ее с земель имения?

Стоял чудесный майский день, и девушка решила вывести Руби на прогулку. Не успела она надеть на кобылу уздечку, как в конюшне появилась Джералдина Уолтон. Финн предвидела, о чем пойдет речь.

– Извини за прямолинейность, но мне нужно, чтобы ты освободила квартиру к концу недели, – сказала Джералдина.

– Я как раз решаю этот вопрос, – ответила Финн. Она уже обзвонила всех, кого только возможно, но никто не хотел приютить ее вместе с Руби. Кобыла становилась беспокойной, если хозяйка долго отсутствовала, так что не могло быть и речи, чтобы они жили по отдельности. – Можешь мне поверить, – добавила она, выводя Руби из стойла.

Вскоре они вступили на земли Бродлендса и углубились в рощицу. На душе Финн кошки скребли при мысли, что ей придется расстаться с любимой лошадей. Величественные стены Бродлендс-Холла уже были различимы в просветах между деревьями. Финн не сомневалась, что Тай Алладайк уехал в Лондон по долгу службы. Но, в качестве меры предосторожности, девушка постаралась провести Руби по полям так, чтобы их не было видно из окон дома. В былые времена она ездила здесь верхом, но сейчас кобыла была для этого слишком стара.

Надеясь, что не столкнется с Таем, если он все еще в Бишеп-Торнби, Финн направилась к пруду, где они с отцом раньше часто купались, и там неожиданно встретила Эшли Алладайка. Было бы вполне естественно остановиться, поздороваться, завязать вежливую беседу, но девушка была настолько потрясена переменой, произошедшей в молодом человеке со времени их последней встречи, что слова буквально застряли в горле. Он выглядел ужасно!

– Привет, Эш! – наконец выдавила она и снова замолчала, подыскивая нужную фразу. Он выглядел таким больным! – Тебе передали фотоаппарат? – добавила Финн и тут же пожалела о сказанном. Уж не о ее ли кузине так убивается Эшли,

что даже похудел? Его лицо выглядело сероватым, глаза ввалились, одежда висела на нем как на вешалке.

– Да, благодарю, – ответил он. Его глаза, потухшие и безжизненные, вдруг вспыхнули, когда он спросил: – Ты виделась с Линн в последнее время?

Финн подумала, не догадался ли Эшли о том, что Линн всего-навсего охотница за состоянием, которая потеряла к нему интерес, узнав, что имение принадлежит его брату.

– Она ко мне не заезжала, – осторожно ответила девушка. Сердце щемило от жалости к молодому человеку.

– Думаю, ей незачем приезжать, раз ты больше не живешь на ферме «Жимолость», – заключил он. Теперь они прогуливались вместе. – Кстати, мне жаль, что тебе пришлось уехать.

– Я не могла там больше оставаться, – ответила Финн и, чтобы разрядить обстановку, добавила: – Фермер из меня никудышный!

Девушка не была уверена, что лучше для Эшли – говорить о Линн или нет, – поэтому решила сменить тему.

– Вы уже нашли нового арендатора для фермы?

– Я не знаю, что мне делать, – ответил он, и тут Финн осенило. Если нового арендатора еще нет, они с Руби могли бы снова вернуться на ферму! Погода стояла прекрасная, и кобыле это пошло бы на пользу. – Я думал, что смогу сам там жить, – продолжал тем временем Эш, – но, как оказалось, в данный момент я не в состоянии принимать какие-либо решения.

Надежда в душе Финн погасла, но все-таки она решила использовать последний шанс.

– Уверена, тебе понравится на ферме, если ты все же решишься, – мягко сказала она.

- Пожалуй, работа на свежем воздухе пойдет мне на пользу. Это лучше, чем сидеть в офисе. Я пытался сделать карьеру в финансовом мире, но это мне не подходит. - Эш покачал головой. - В нашей семье Тай - бизнес-гений и мастер жаростных дискуссий. - На некоторое время снова воцарилось молчание, затем Эшли спросил: - Ты уже устроилась на новом месте, Финн?

Девушка колебалась. Она не хотела взваливать на его плечи бремя своих проблем.

- Так ты еще не устроилась? - настаивал он.

- Джералдина - это новая хозяйка - хочет отремонтировать школу верховой езды и в моей квартире планирует поселить рабочих.

- Но ты тоже там работаешь?!

- Не совсем...

- Так у тебя нет ни работы, ни жилья? - ужаснулся Эш.

- Ну, жилье у нас с Руби есть - до конца этой недели, - ответила Финн.

- Руби? - переспросил он. - Я не знал, что у тебя есть дочь.

На его лице появилось такое озабоченное выражение, что Финн поспешила разуверить его. Она похлопала кобылу по холке и ответила:

- Вот эту красавицу зовут Руби.

- Я ничего не смыслю в лошадях, - с облегчением произнес он, - но.

Тут Финн заметила в отдалении мужскую фигуру, которая быстро к ним приближалась. Девушке не хотелось ссориться с Тайреллом Алладайком на глазах у Эшли, который, кстати, пока его не увидел.

– Знаешь, Руби пора давать лекарство, – быстро сказала она, – мы пойдем. Пока, Эш! Рада была повидаться. – И она повела кобылу прочь.

К несчастью, Руби не собиралась торопиться, и Финн поняла, что встречи с хозяином земель не избежать. Несколько фраз достигли ее слуха, прежде чем они оказались на достаточно близком расстоянии друг от друга. Девушка решила, что не сделала ничего дурного, но голос ей изменил, когда она холодно произнесла:

– Вы еще не вернулись в Лондон!

– Какого черта, – начал было Тайрелл. – О чем ты говорила с моим братом? – требовательно спросил он.

– Вас это не касается, – надменно ответила Финн, чувствуя все большую неприязнь к этому человеку. Он выглядел так, словно собирался задушить ее собственными руками!

– Еще как касается! – едва сдерживая гнев, рявкнул он. – От женщин семейства Хокинс одни неприятности! Ужасная репутация!

– Что? – разозлилась Финн. – Что все это значит?

– Твой отец остался ни с чем, когда твоя мать бросила его.

Тут уже у Финн возникло желание придушить Тая, чтобы стереть с его лица это саркастическое выражение.

– Мистер Алладайк, негоже вам верить тому, что болтают в деревне, – парировала она.

– Разве я не прав? Разве не потому Эварт Хокинс не платил ренту, что эта женщина оставила его на мели, когда ушла к другому мужчине?

– Дела моих родителей вас совершенно не касаются, – с достоинством произнесла Финн, изо всех сил пытаясь не показывать, что его слова задели ее.

– Речь идет о моем брате. Ты видела его! Он страдает! Твоя кузина бросила его так же, как твоя мать бросила твоего отца. Не хочу, чтобы кто-нибудь из семейки Хокинс крутился вокруг Эша! Убирайся с моей земли и не возвращайся больше! Если я еще раз поймаю тебя в своих владениях – отдам под суд, не успеешь и глазом моргнуть, – продолжал он. – Это последнее предупреждение.

– День, когда старый мистер Колдикотт продал вам свое имение, был самым худшим днем в истории Бишеп-Торнби! – воскликнула Финн. – Пойдем, Руби, – обратилась она к лошади, – нечего слушать этого омерзительного типа! – С этими словами она прошествовала прочь с высоко поднятой головой.

Она все еще кипела от ярости, когда ставила Руби в стойло. Какой ужасный человек!

На следующий день Финн, не теряя времени, отправилась на ферму «Жимолость», где не была уже три месяца. Войдя в знакомые ворота, она стала осматриваться, словно видела здесь все впервые. Двор был завален ржавеющим металлоломом, на всем лежал налет запустения. «Если бы папа был жив, – подумала она, – он бы собрал из этих деталей что-то полезное и продал бы. Если бы папа был жив...» Финн гнала от себя мысли, что большая часть утиля копилась здесь годами, а не с прошлого октября, когда ушел из жизни ее отец; и ферма ветшала постепенно. Девушка отправилась осмотреть старый сарай, служивший стойлом для ее лошади.

Замок на двери сарая был сломан много лет назад, но, как любил говорить отец, если нет ничего ценного, зачем его чинить? Конечно, логика у него была своеобразная, но Финн никогда не считала своего обожаемого отца лентяем, просто он всегда делал только то, что доставляло удовольствие.

В сарае пахло плесенью, но Финн распахнула дверь пошире и смело вошла внутрь. Она подготовит все для своей дорогой Руби! Теперь девушка понимала, что им вообще не следовало уезжать с фермы, особенно учитывая, что Руби была очень нервной кобылой и не переносила долгой разлуки с хозяйкой, а также не ладила с другими лошадьми. Итак, ферма «Жимолость» была лучшим местом для проживания. К тому же вокруг простиралась поля. Правда, теперь они заросли сорняками, но Финн не сомневалась, что быстро приведет их в должный вид и даже сумеет поставить какое-нибудь временное ограждение.

Финн нашла во дворе лестницу и забралась по ней в окно второго этажа. Так она оказалась в комнате, которая когда-то была ее спальней. Здесь тоже стоял запах плесени, электричества не было, поэтому ей придется обходиться без отопления и освещения. Девушка надеялась, что Микки Йейтс вернет сюда ее немногочисленные пожитки, которые помог ей вывезти при выселении. Микки был добрым другом ее отца, и она верила, что он никому – особенно Тайреллу Алладайку – не расскажет, что она незаконно заняла дом. Финн покинула ферму «Жимолость», стараясь не думать о том, какова будет реакция матери на ее план.

К четвергу Финн удалось убедить саму себя в правильности своих действий. Она уже успела навестить Микки Йейтса в его мастерской. Как всегда, руки его по локоть были испачканы смазкой, но он приветствовал девушку широкой улыбкой. Она объяснила, что в пятницу вечером ей понадобится грузовик, чтобы перевезти пожитки и лошадь на ферму. Микки сказал только одну фразу: «Тебе удобно после трех, Финн?» Она знала, что он обычно обедает до трех часов в пабе, и с радостью согласилась.

День был очень жаркий. Финн не была уверена, удастся ли ей в ближайшее время снова выбраться в деревню, и решила отвести Руби к кузнецу. Девушка предвидела, что в кузнице будет еще жарче, поэтому переоделась в легкое хлопковое платье свободного покроя. Надевая сандалии, она подумала, что уж теперь-то Тай Алладайк точно уехал в Лондон, где ему самое место.

Выходя из квартиры, она снова столкнулась с Джералдиной Уолтон.

– Квартира нужна мне в субботу, – безапелляционно заявила она.

– Ты ее получишь. Мы с Руби переезжаем завтра, – спокойно ответила девушка.

– В самом деле? – Глаза Джералдины потеплели. – Надеюсь, ты нашла что-то действительно подходящее?

Финн помедлила с ответом. Деревенская молва мгновенно разнесла бы весть о ее незаконном возвращении на ферму «Жимолость». Чем дольше Тай Алладайк не будет знать адрес ее нового места проживания, тем лучше.

– Да, подходящее, – наконец с улыбкой подтвердила она и отправилась за Руби.

Кузнец Идрис приветствовал Финн такой же широкой улыбкой, как и Микки Йейтс. Идрис был огромным мужчиной лет пятидесяти и очень добросердечным.

– Как поживает моя крошка? – спросил он, как обычно. В какое бы время суток Финн ни заглянула, у него всегда была наготове кружка пива. – Угощайся, – предложил он, осматривая копыта и подковы Руби.

Вкус пива Финн по-прежнему не нравился, но в кузнице было очень душно, и она сделала глоток, как в детстве, когда ее поощрял отец. Закончив работу, Идрис отказался от оплаты, и девушка знала, что очень обидит его, если предложит деньги.

Распрощавшись с кузнецом, она повела Руби в рощицу. С опаской оглядываясь по сторонам, Финн разговаривала с кобылой, и та отвечала, тычась мордой ей в шею. Не спеша они приблизились к пруду, вокруг которого росло несколько деревьев, и девушка подумала, что в такой жаркий день было бы неплохо искупаться. Она предпочла проигнорировать внутренний голос, твердивший ей, что делать этого не стоит. Поблизости не было ни души, и Финн поддавалась искушению.

Но тут случилось нечто, заставившее ее мгновенно забыть обо всем на свете. Она услышала доносившийся из воды крик о помощи. Финн подбежала к пруду и, увидев, кто оказался в беде, онемела от ужаса. Эшли Алладайк! Он барахтался в Черной воде – самой глубокой и мрачной части водоема. Все местные жители знали, что купаться там нельзя.

Финн понимала, что нельзя терять ни минуты. Отец научил ее спасению на водах, но до сих пор ей не приходилось применять это умение на практике. Однако времени на раздумья не оставалось, нужно было действовать. Девушка сбросила сандалии, стянула через голову платье и нырнула в воду. Обнаженную кожу обдало холодом. Рассекая поверхность воды быстрыми движениями, Финн добралась до Эшли. Приказав ему не хвататься за нее, чтобы не потопить обоих, она перевернула его на спину и, радуясь, что молодой человек за последнее время сбросил вес, стала грести к ближайшему берегу, противоположному тому, откуда она ныряла.

Финн не имела представления, как долго молодой человек провел в воде. Эш сидел, упершись руками в колени и опустив голову, полностью обессиленный.

«Ногу свело!» – вот и все, что он сумел сказать. Девушка чувствовала себя так, как, должно быть, чувствует мать, которая только что отыскала потерявшегося ребенка.

– О чем ты только думал! – принялась она выговаривать легкомысленному пловцу. – Все знают, что здесь нельзя купаться! – Внезапно слезы подступили к ее глазам. Наверное, шок, решила девушка и тут вспомнила о Руби. Бросив взгляд на противоположный берег, она не увидела там кобылу. – Я скоро вернусь! – пообещала она, поднимаясь с земли.

Добираться вплавь ей совсем не хотелось, и она пошла вокруг пруда. Тут Финн пронзила мысль: а не было ли это купание Эшли в действительности попыткой самоубийства? Затем она вспомнила, что он говорил о сведенной ноге, и немного успокоилась. Финн с детства знала, что по какой-то необъяснимой причине в той части пруда была большая впадина, настолько глубокая, что вода в ней никогда не прогревалась. Эш был приезжим, и никто, очевидно, не сказал ему об этой впадине. Что ж, теперь он знает!

Вскоре девушка увидела Руби и с облегчением отметила, что с ней все в порядке. Однако рядом с лошадей стоял человек, при виде которого ее сердце упало. Тайрелл Алладайк собственной персоной! Он стоял к ней спиной, кого-то высматривая, очевидно своего брата. Тут Финн заметила, что в руке он держит поводья Руби. Значит, вовсе не Эша поджидает он здесь, а ее саму! И она в большой беде!

Словно спиной почувствовав ее присутствие, Тай обернулся и замер, уставившись на нее, словно не веря своим глазам. В этот момент Финн вспомнила, как она одета – точнее, раздета. Намокшее нижнее белье облегло тело, ничего не скрывая; соски затвердели и являли собой притягательное зрелище для мужчины, стоявшего перед ней.

Финн густо покраснела.

– Истинный джентльмен отвернулся бы, – зло прошипела она.

Тайрелл Алладайк наградил ее хмурым взглядом, но отворачиваться не спешил.

– Да, если перед ним леди! – произнес он подчеркнуто медленно.

Финн боролась с желанием ударить его, но не решалась подойти ближе. Она лишь скрестила руки на груди. Тай скользил взглядом по ее красивым длинным ногам, бедрам, животу. Лишь увидев ее пылающее лицо, он наконец отвернулся. Трясущимися руками Финн натянула платье и обула сандалии. Это вернуло ей уверенность в себе. Ей все же пришлось приблизиться к Алладайку, чтобы забрать у него поводья Руби. Чтобы не показать своего смущения, Финн дерзко произнесла:

- Отличный денек для купания!

Его взгляд красноречиво свидетельствовал, что произнеси она еще слово - и он сгребет ее в охапку и снова бросит в воду.

- Вот оно! - изрек Тай, сверля глазами ее бледное лицо. - Я дважды предупреждал тебя держаться подальше. Утром с тобой свяжутся мои адвокаты.

- О, у вас есть мой адрес? - мило поинтересовалась Финн, чуть не поддавшись искушению сообщить ему, что она без разрешения вселилась на ферму, но сочла за благо этого не делать.

- Довольно! - рявкнул он. - Если в течение десяти секунд ты не уберешься сама, я лично выпрожаю тебя и эту блохастую старую клячу с моей земли!

- Блохастую клячу? - Финн задохнулась от негодования. Да как он посмел!

- Сейчас же! - угрожающе произнес Тайрелл и подался вперед, намереваясь отнять у девушки поводья.

- Оставьте ее в покое! - громко прокричала Финн, и он отдернул руку. Девушка едва сдерживалась, чтобы не ударить его - он этого заслуживал. Слезы брызнули у нее из глаз, но она мгновенно взяла себя в руки. Это возымело на него неожиданное действие.

- Убирайся и держись подальше от моего брата! - приказал Тай.

Финн совсем забыла о Эше. Быстрый взгляд на другую сторону пруда успокоил ее - молодой человек уже стоял, значит, она действительно может уйти.

– На пушечный выстрел ни к вам, ни к вашему брату не подойду, – ответила она и повела Руби по направлению к рожице.

По дороге она снова и снова вспоминала случившееся. Сколько времени Эшли провел в воде, прежде чем она спасла его? Десять минут? Или пятнадцать? Посмотрев на наручные часы, девушка поняла, что в них попала вода и они вряд ли когда-нибудь снова будут работать.

Она сгорала от стыда, что чуть не разревелась перед этим грубияном. Теперь ей пришло в голову, что Тайрелл Алладайк, возможно, чувствителен к женским слезам. Но в следующую секунду она отогнала эту мысль прочь. Нет в нем ни грамма чувствительности! Он посмел назвать ее дорогую Руби блохастой старой клячей! Финн пожалела, что не ударила его тогда.

Одна мысль доставляла ей удовольствие. Завтрашнее возможное письмо от адвоката Тайрелла Алладайка вернется туда, откуда пришло, ведь никто не знает ее нового адреса!

Глава 3

Финн поставила Руби в стойло и прошла в свою квартиру над конюшней, чтобы принять душ. Ей хотелось смыть запах пруда с тела и волос. Затем она надела свежее белье, шорты и футболку и, обернув волосы полотенцем, чтобы быстрее просушить их, отправилась на кухню приготовить себе чашечку чая. Она все еще ощущала потрясение от событий минувшего полудня. Финн не могла понять, что беспокоило ее больше – то, что она обнаружила тонущего Эша, или то, как его грубиян братец бесцеремонно разглядывал ее, когда она стояла перед ним в мокром нижнем белье, почти что голая. Тай, конечно, подумал, что в такой жаркий день она не смогла отказать себе в удовольствии искупаться в пруду, расположенном в его владениях. Ему это, разумеется, не понравилось. «Убирайся и держись подальше от моего брата!» – вспомнила она его гневную тираду.

Финн было все равно, посвятил ли Эш брата в истинное положение дел или нет. Что же до купания в пруду – она с детства купалась в нем, если позволяла

погода! В этой связи девушке вспомнился случай, когда они с отцом плавали в пруду и внезапно начался дождь. Отец сказал тогда, что они и без того уже мокрые, и они продолжили купание!

Финн расчесала длинные волосы, позволив им свободно рассыпаться по плечам, чтобы поскорее высохли, и стала собирать вещи. Вся ее одежда уместилась в два чемодана, и она поставила их у двери, чтобы Микки Йейтс забрал их, когда придет в три часа. Едва она упаковала посуду, украшения и немногочисленные сувениры с каминной полки, напоминающие о доме, как раздался стук в дверь. «Неужели Джералдина пришла проверить, подготовилась ли я к отъезду?» – подумала Финн, распахивая дверь, и обнаружила, что смотрит в холодные серые глаза Тайрелла Алладайка.

На мгновение девушка потеряла дар речи, Тай также не спешил начинать разговор. Она заметила, что он бросил взгляд на ее рыжеватые распущенные волосы, и, собравшись с духом, сказала:

– И кто теперь нарушает границу частной собственности, мистер Алладайк?

– Мне нужно поговорить с тобой, – спокойно ответил он.

– Ну уж нет! Убирайтесь!

Тайрелл пропустил этот выпад мимо ушей. Более того, он подвинул ее и прошел в квартиру.

– Так ты завтра уезжаешь? – поинтересовался он, рассматривая чемоданы и коробки с посудой.

– Да! – Ее тон был далек от дружелюбного.

– И куда же ты едешь? – продолжал допытываться Тай.

Финн тут же возненавидела его за то, что он столь легко вгонял ее в краску. Девушка поспешила отвернуться, чтобы скрыть пылающее лицо.

– Вид у тебя виноватый, – сказал Тайрелл и добавил более официальным тоном: – Очень надеюсь, мисс Хокинс, что в субботу утром я не обнаружу, что вы разбили палатку на лужайке перед моим домом.

Ее губы тронула легкая усмешка – идея показалась ей забавной. Финн понравилось, что он назвал ее «мисс Хокинс», а не просто «Хокинс», как прежде.

– Я не собиралась этого делать, – ответила она.

– Ты придумала что-то другое?

Этот человек просто невыносим! Он смотрит на нее так, словно ему известно, что она чего-то недоговаривает.

– Ничего, – как можно спокойнее отозвалась Финн. Ей не хотелось, чтобы ее планам чинили препятствия. – Спасибо, что заглянули, – сказала она, подходя к двери, – но мне еще столько всего нужно сделать.

– Что тебе действительно нужно, так это место, где можно преклонить голову самой и держать эту кля...

– Ее зовут Руби! – перебила Финн, начиная злиться. – Эту блохастую старую клячу, как вы изволили выразиться, зовут Руби!

– Приношу свои извинения, – произнес он.

Финн настолько удивилась, что не нашлась с ответом. Следующая фраза поразила ее еще больше:

– Но ты же понимаешь, я не могу позволить тебе вернуться на ферму «Жимолость».

– Откуда вы узнали, что я собираюсь туда вернуться? – воскликнула она. – Не Микки же вам рассказал?

– Нет, не он. Я ничего не знал, но ты сама только что это подтвердила.

– Вот черт! – выдохнула Финн, вдруг осознав, что возле ее ног разверзлась пропасть и она стоит на самом краю. – Послушайте, я знаю, вы злы на меня, но обещаю, что не причиню ферме никакого вреда.

– Не обсуждается! – отрезал Тай.

– Но почему? – Здоровый смысл подсказывал ей, что она говорит неправильные слова.

– Хотя бы потому, что там нет удобств.

– Мне ничего и не надо. У меня есть свечи. Погода теплая, отопление тоже ни к чему.

– Что, если пойдет дождь и крыша начнет протекать?

– Не начнет. Я была там на днях и. – Финн замолчала, поняв, что выдала себя с головой.

– Ты была в доме? У тебя остался ключ? – потребовал он ответа.

– Да и нет. – Она ненавидела этого человека. – Да – я была в доме. Нет – у меня нет ключа.

– Как же ты попала внутрь?

– Влезла в окно, – призналась девушка. Даже сейчас она все еще надеялась, что ей удастся вернуться жить на ферму.

Тай недоверчиво покачал головой.

– Добавим к твоему послужному списку взлом и проникновение в чужое жилище.

– Я на грани отчаяния! – вскричала Финн. – Руби больна и. – Она осеклась. Будь проклят этот человек! К глазам снова подступили слезы. Девушка отвернулась, борясь с желанием выгнать его прочь. В то же время ей хотелось умолять его

позволить ей жить на ферме.

Финн не поверила своим ушам, когда услышала слова Тайрелла:

- Думаю, мы найдем тебе место получше, чем ферма «Жимолость» в ее нынешнем состоянии.

«Судьба не может сделать мне такой подарок! – подумала девушка. – Тайрелл Алладайк меня не переносит. Я его тоже. В чем же дело?»

- Там будет место для Руби? – осторожно спросила она.

- Да.

- Где же это?

- В моем доме Бродлендс-Холл. Ты можешь переехать.

Финн не дала ему договорить.

- За кого вы меня принимаете? – воскликнула она.

- Уверяю тебя, у меня и без того дел хватает, чтобы пытаться соблазнить одну из деревенских девчонок. Пусть даже с такими красивыми ногами, – сказал он.

«Деревенская девчонка»! Что ж, он поставил ее на место. Но в ее бедственном положении приходилось забыть о гордости.

- Зачем же вам понадобилось, чтобы я жила в Бродлендс-Холле?

- Может, присядем для начала? – предложил он.

Финн решила, что так ее ноги будут меньше видны, и быстро опустилась на стул. Тайрелл сел рядом.

– Сегодня ты оказала мне неоценимую услугу, – начал он. – Я в долгу у тебя до конца своей жизни.

– Не стоит! – ответила Финн, справедливо полагая, что Эш посвятил брата в истинное положение вещей. – Это было всего лишь проникновение на чужую территорию!

– Если бы тебя не оказалось поблизости... – Его голос сорвался.

– Эш просто не знал, что этот пруд может оказаться таким коварным.

Тайрелл не поддался ее напускной беззаботности. Казалось, он не понаслышке был знаком с последствиями купания в незнакомом водоеме.

– Эш сказал, что ты бросилась спасать его, не теряя ни секунды.

– Появились бы вы пораньше, я бы с удовольствием предоставила это вам, – сконфуженно пробормотала девушка, и уголки губ Тая дрогнули в усмешке. – К тому же несколько секунд я все же потеряла, снимая платье и сандалии, – продолжала она, пытаясь обратить ситуацию в шутку. Она тут же пожалела о сказанном, поймав на себе взгляд серых глаз.

– Я не забыл, – медленно произнес он и чуть слышно добавил: – И вряд ли когда-нибудь забуду. Я сначала решил, что ты любительница купаться обнаженной. – Он помолчал некоторое время. – Хоть Эшли и похудел за последнее время, он довольно тяжелый и мог бы, сопротивляясь, потопить вас обоих. – На лице Тая отразилось страдание.

Финн поспешила разуверить его:

– Эш не сопротивлялся. Он не пытался покончить жизнь самоубийством, если вы об этом подумали. Просто от холодной воды у него свело ногу.

Тайрелл Алладайк улыбнулся. При виде этой улыбки сердце Финн упало. Как же он красив!

– Знаю, что брат не пытался свести счеты с жизнью, – согласился он. – Как я понял, ты тоже заметила, что он сейчас выглядит чрезвычайно ранимым.

Финн кивнула.

– Вы, наверное, и меня в этом обвиняете. Но я и предположить не могла, что Линн разобьет ему сердце.

– Я, кажется, был несправедлив к тебе, – признался Тай. – Ближе к делу! Эш сказал мне, что у тебя нет ни жилья, ни работы, да еще надо заботиться об этой кля... о Руби. Так вот, я предлагаю тебе и то и другое.

– Я не нуждаюсь в вашей благотворительности! – разозлилась девушка.

– Бог мой, какая обидчивая! – усмехнулся Тай. Он внимательно взгляделся в лицо девушки. – Да у тебя, кажется, шок от пережитого?!

Финн снова захотелось плакать.

– Давайте вы снова начнете разговаривать со мной грубо! Мне так будет легче.

Тая эти слова не задела.

– Есть кто-то из родственников поблизости? – мягко спросил он.

Обезоруженная его проникновенным тоном, Финн ответила:

– Мама живет в Глостере, но.

– Я отвезу тебя к ней, – решил он. – Садись в.

– Не нужно! – запротестовала девушка. – Хватит за меня все решать! Да, мне не по себе, но я вполне могу сама справиться. Я никуда не еду.

– Раз ты не хочешь ехать к матери, я забираю тебя с собой в Бродлендс-Холл. Сейчас же!

- Вы не можете этого сделать! Помимо всего прочего, я не оставлю Руби одну!

- С ней будет все хорошо, а завтра ты за ней вернешься, - ответил он.

- Прекратите немедленно! - взорвалась Финн. - Хватит. Сегодня я никуда не еду. И поеду только тогда, когда Руби отправится со мной.

На ее лице отразилось упрямство. Тай нахмурился - он не привык сдаваться.

- Я сделаю тебе чаю, - предложил он.

Девушка разразилась истерическим смехом, перешедшим в рыдания.

- Извините меня. Знаю, чай помогает при шоке, но я его уже пила и больше не хочу. Давайте с вами договоримся, - продолжала она, стараясь пресечь его возможные возражения, - я принимаю вашу благодарность за спасение Эша, и забудем об этом.

Казалось, его глаза прожигают ее насквозь.

- Так ты действительно хочешь, чтобы я снова стал грубияном, выгоняющим тебя прочь с моей земли?

- Да, и тогда я снова буду деревенской девчонкой, которая не перестанет делать то, что ей нравится, даже нарушать границы имения Бродлендс.

Тай кивнул, словно соглашаясь, но не преминул заметить:

- На ферме «Жимолость» я тебе жить не позволю.

- Что же мне делать? - воскликнула Финн. - Джералдина хочет поселить в мою квартиру строителей. Мне придется уехать завтра!

- Я уже сказал, в Бродлендс-Холле для тебя есть и жилье, и работа.

– Там есть где содержать Руби?

– Конюшню превратили в склад, но ты можешь ее завтра расчистить. Там сухо и.

– У вас есть другие лошади? – быстро спросила девушка и, прочтя недоумение на его лице, пояснила: – Руби – норовистая кобыла. С ней раньше плохо обращались, и ее нельзя содержать с другими лошадьми.

– Тебе не о чем беспокоиться. Мы поместим Руби в отдельный отгороженный загон.

Финн знала, о каком загоне идет речь. Там был и просторный сарай, куда Руби могла бы прятаться во время зноя. Девушка снова почувствовала подступающие к глазам слезы. Ей бы следовало быть благодарной этому человеку.

– Это постоянная работа? – поинтересовалась она. – Вы же не выбросите меня на улицу неделю спустя?

– Нет, не постоянная, – ответил Тай и, предвосхищая дальнейшие возражения со стороны девушки, быстро добавил: – Первоначальный срок полгода, а там посмотрим.

– Я согласна. – Финн очень обрадовалась возможной полугодовой передышке. Стараясь не выказывать излишнего рвения, она продолжила: – Я согласна на любую работу. Я умею готовить, убираться в доме, ухаживать за садом, составлять каталог библиотеки.

– Миссис Старки с двумя помощницами прекрасно справляется с домашним хозяйством, а ее муж Джим Старки великолепный садовник.

– И вам не нужно составить каталог библиотеки? – предположила она, уже готовясь предложить свои секретарские услуги и в то же время понимая, что в Лондоне у Тайрелла наверняка есть компетентный в этой области специалист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/stil_dzhessika/boykaya-devchonka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)